

К 145-ЛЕТИЮ СЕВАСТОПОЛЬСКОЙ БИОЛОГИЧЕСКОЙ СТАНЦИИ

УДК 574.5:061

**ВЛАДИМИР ЧЕРНЯВСКИЙ И ЧЁРНОЕ МОРЕ.
I. На берегах Крыма, Абхазии и Колхиды
(1866–1875)**

© 2016 г. **К. В. Русанов**

Харьков, Украина

E-mail: construsanov@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.03.2016 г. Принята к публикации 07.06.2016 г.

Имя Владимира Чернявского историки называют в ряду исследователей фауны беспозвоночных Чёрного моря во второй половине XIX века. Однако о жизни русского зоолога до сих пор известно мало; лишь немногие из публикаций Чернявского находятся сегодня в научном обороте. В настоящей работе показано, что В. Чернявский ещё студентом активно участвовал в исследованиях фауны беспозвоночных Чёрного моря. Он был лично знаком со многими учёными, определявшими основные идеи и направления этих исследований. В 1866–1875 гг. В. Чернявский работал в Крыму и в Сухуме, собирая и обрабатывая материалы по ракообразным, губкам, червям и др. для последующих обобщений.

Ключевые слова: Владимир Чернявский, Чёрное море, фауна беспозвоночных, история исследований

Имя Владимира Ивановича Чернявского упоминают все писавшие об истории исследований черноморской фауны беспозвоночных. Коллекции, собранные и обработанные в XIX в. этим учёным, и сегодня остаются предметом изучения [9]. Однако даже годы жизни зоолога (1846–1915) указываются предположительно, а библиография его трудов о ракообразных, губках и червях Чёрного моря далека от полноты: в единственном очерке о Чернявском [16] описана лишь его студенческая работа, все же достижения зоолога за последующие 20 лет бегло перечислены без ссылок на публикации. Цель настоящей работы — уточнить детали биографии учёного и дополнить библиографию его трудов. В качестве прижизненных источников использованы статьи и монографии В. Чернявского, протоколы заседаний съездов и научных обществ, в которых он участвовал, а также некоторые публикации других авторов.

Пишущие обходили В. И. Чернявского вниманием и при жизни. Когда его основные труды о беспозвоночных Чёрного моря уже были опубликованы, вышел справочник о русских зоологах [2], где не оказалось биографии учёного — только портрет (рис. 1).

Почти не помнили Чернявского и в его alma mater. Владимир окончил Харьковский университет по кафедре зоологии (см. ниже). К столетию университета был из-

дан юбилейный многотомник, где автор истории кафедры [10] П. Т. Степанов (1839–1908) назвал Чернявского в ряду «воспитанников факультета, заявивших о себе учёными трудами», но причислил его к *энтомологам*. Когда-то Степанов (с 1866 г. — доцент, с 1869 г. — профессор) учил этого воспитанника, сотрудничал с ним, занимаясь черноморской фауной, но вдруг забыл...

Впрочем, этому можно не удивляться. В. И. Чернявский не защитил диссертацию, не занимал должностей в университете, не выслужил ни чинов, ни званий — всего, что считается главным при оценке вклада в науку. Пока сверстники набирали материал для карьерного роста на комфортных биостанциях Европы, зоолог искал доказательства своих идей в России — на необжитых берегах неперспективного, по мнению большинства коллег, Чёрного моря.

Один из них, всего на год старший Владимира, в те годы писал: «Само по себе не подлежит сомнению для всякого знакомого с фауной Чёрного и Северного морей, что первая несравненно беднее последней» [3]. Этот коллега-зоолог, Илья Мечников, поступив в Харьковский университет, вскоре покинул его (за год до поступления Чернявского) и уехал на Запад.

Нет, молодой Владимир Чернявский был другим.

Жизнь Владимира Чернявского и сегодня — словно остров с берегами, в общих чертах описанными в лощиях, а в глубине — нехоженный. Хотя заглянуть в эту глубину не так уж трудно: достаточно взять в руки труды учёного и другие прижизненные первоисточники. На их страницах найдутся факты и даты жизни зоолога, детали его экспедиций, описания трудностей и счастливых находок. Здесь можно увидеть, как и когда рождались у В. И. Чернявского его оригинальные мысли, как воспринимались им теории современников, как эволюционировали за 20 лет его взгляды и стиль работы — от романтизма к реализму. Неожиданно окажется, что Владимир Иванович был связан со многими куда более известными, чем он, личностями, определявшими развитие зоологии Чёрного моря, и причастен к важнейшим событиям этого развития — был частью истории, а не её неразличимым фоном.

Рис. 1. Владимир Иванович Чернявский в Сухуме (фото сделано не позже первой половины 1890 г.). Источник — табл. XXVIII в [2]

Fig. 1. Vladimir Chernyavsky in Sukhum (the photo is made not later than in the first half of 1890). The source is table XXVIII in [2].

А ещё тексты В. И. Чернявского показывали, какими средствами и в каких условиях работали исследователи Чёрного моря, какими были взаимоотношения между ними, какие идеи тогда считались основополагающими, а какие факты — открытиями. Этот «аромат времени» ценен уже тем, что мотивы поступков понятнее, если известны обстоятельства жизни и работы.

Первая экспедиция на Чёрное море. Встреча с Н. Я. Данилевским. «Список студентов Императорского Харьковского университета на 1865/1866 академический год» [8] числит Владимира Чернявского, дворянского звания, православного вероисповедания, окончившего 3-ю Харьковскую гимназию, одним из 16 студентов, вступивших 07.09.1865 г. на 1-й курс естественного отделения физико-математического факультета.

Ещё гимназистом Владимир увлёкся миром водных беспозвоночных; позже он писал [12], что с 1864 г. собрал в окрестностях Харькова и заштатного города Мирополья (тогда — Курской губернии, сейчас — Сумской) на р. Псел значительное число форм из различных родов группы Oligochaeta, занимался коловратками и т. п. На первом курсе университета Чернявский, по совету профессора-зоолога А. Ф. Масловского, стал специализироваться на низших группах ракообразных. Летом 1866 г. Владимир отправился в первую экспедицию на Чёрное море. Её описание дано в работе [11].

В конце июля студент выехал на Южный берег Крыма через Перекоп и Симферополь, взяв с собой два микроскопа и до двух пудов литературы. Опыта у него ещё не было — многие книги оказались бесполезными; за трое суток сильной тряски перекладной развинтились линзы и микрометр микроскопа Гартнака и даже стёрлась краска на окуляре точного прибора.

Впервые увиденное в Алуште море поразило Владимира богатством жизни. *Medusa aurita* массами носилась у берега и везде встречалась на мокрых камешках после отхлынувшего прилива. Выброшенные альги (*водоросли* — К. Р.) были усеяны крошечными раковинками *Spirorbis pusilla* Rathke; большие, ветвистые *Cystoseira* несли гвоздеобразно сидящих небольших *Mytilus*. Прыгающие рачки *Orchestia* встречались в громадном числе, но студент не сохранил ни одного, надеясь встретить изобилие их и в Ялте. Однако там медуз и рачков не было...

В первые дни августа Чернявский блуждал напрасно по берегу Ялтинской бухты, переворачивая камни: попался лишь один экземпляр аннелиды *Spio nemertinaeformis* n. sp. Удача вернулась к студенту 5 августа, когда он отправился дальше, к рыболовному заводу. Здесь между большими камнями Владимир нашел немало проворных крабов *Pachygrapsus marmoratus*. Затем, сняв сапоги, засучив до коленей брюки и вооружившись Мюллеровской сеткой — кисейным сачком около 25 см в диаметре на медной проволоке, — он влез на ближайшую скалу, а по ней добрался до других, лежащих глубже и густо одетых кустистыми альгами *Cystoseira* и пластинчатоскомканными *Ulva*. Вода сачком между альгами и промывая в нём сорванные *Cystoseira* и *Ulva*, студент собирал в склянки рачков и червей.

Возвратившись домой, он выпустил первый научный улов в тарелку и замер, заворожённый зрелищем: многочисленные кристально прозрачные рачки с черными стебельчатыми глазами, извивающиеся при дотрагива-

нии, быстро плавали, изумительно похожие на пресноводных листоногих рачков *Branchipus* — это была *Siriella jaltensis* n. sp.; обнаружилась замечательная форма мизид, принадлежащая к тропическому роду и близкая к тихоокеанской *S. gracilis*, описанной американцем J. D. Dana. Внимание Чернявского привлекли также экземпляры *Praniza*, *Leptochelia edwardsii* (Kr.), *Paratanais savignyi* (Kr.) и зеленатоватые циклопы *Harpacticus nikaensis fortior* Cls. Всё это были животные, ещё не найденные в Чёрном море! Из уже известных попались экземпляры *Palaemon squilla* (*P. elegans* Rathke) и *Cymodocea versicolor* (Rathke). Были там, конечно, рыбки (собачки, зеленушки, атеринки), а также nereиды, рачки *Amphithoe* и проч., но до них руки уже не дошли.

6 августа там же В. И. Чернявский нашёл *Naesea bicolor* и 2 экз. *Idotea tricuspidata*, а 7-го — *Idotea capito*, молодых *Eriphia spinifrons*, *Athanas nitescens* и замечательного *Virbius gracilis* (два последних — новые для фауны); от рыбаков он получил экземпляр рыбы *Callionymus* sp. (*haud festivus*), подаренный им затем Н. Я. Данилевскому и попавший в итоге в Зоологический музей Академии наук (ЗМ АН). Учёный же давал студенту пользоваться книгами Milne Edwards (*Histoire Naturelle des Crustacés*) и Rathke (*Beitrag z. Fauna der Krym*).

Николай Яковлевич Данилевский (1822–1885) был первой выдающейся личностью, встретившейся на пути Чернявского. Этот зоолог с 1853 г. работал в научных экспедициях, изучавших условия рыболовства от Каспия до Северного Ледовитого океана, сначала под руководством акад. К. Бэра, а затем возглавлял их. С 1863 до конца 1867 гг. Данилевский руководил экспедицией в Чёрном и Азовском морях, собрал здесь большие коллекции.

В середине августа 1866 г. студент возобновил поиски фауны у мыса св. Иоанна, где скалы громоздились в воде ещё в большем числе, нежели у завода, и встречались массы *Ulva* (ближе к берегу) и *Cystoseira* (поглубже; она одевала погружённые в воды камни густой шапкой). Мюллеровской сеткой Владимир добыл много рачков и червей. Разбирая дома наловленное, он встретил немало интересных экземпляров пелтидии *Alteutha typica* n. sp. Из аннелид его внимание привлекли *Ioida macrophthalmia* Ionst. var. и *Mastigonereis noctiluca* n. sp.; особенно поразило сильное свечение маленьких аннелид при свете лампы.

Затем были поездки в Алупку; при подъёме остатков потонувшего парохода коллекция студента обогатилась *Callianassa subterranea*, разьедающим дерево рачком *Chelura pontica* n. sp., *Arenicola cyaneus* n. sp., замечательным по меньшему числу жабр, по недоразвитию хвостовой части и по цвету, множеством *Teredo navalis*, двумя видами *Balanus*, *Saxicava*, губками *Reniera*.

В сентябре на море участились бури, делавшие экскурсии между скал невозможными. Мешали Чернявскому и язвы на ногах от долгого нахождения в воде. Но даже дома объекты исследований словно сами находили его. Сидя у окна, Владимир заметил, что два господина несут в тарел-

ке воды что-то синее и блестящее. Это приезжий аптекарь поймал в купальне у бульвара две *Rhizostoma cuvierii*, одну из них принёс на квартиру, полюбовался и решил пустить живую обратно в море. Перехваченный на полпути прекрасный экземпляр Чернявский подарил затем ЗМ АН.

Другими ялтинскими приобретениями сентября 1866 г. были *Melita palmata*, *Nicea istricea*, *Caprella danilevskii* n. sp., *Chiton* и морской *Enchythraeus jaltensis* n. sp. Во время бурь студент изучал Ялтинскую долину, где приобрёл экземпляр *Thelphusa fluviatilis*, бесчисленных в речках *Gammarus pulex* и *Planaria torva*. Самой интересной находкой была новая форма из морского рода *Jaera*, замечательная половыми различиями в устройстве брюшной дыхательной крышки. Это животное во множестве ползало по камням в струях Воронцовского водопада и в источнике садов Дерикоя.

В конце сентября Чернявский «охотился» уже в Балаклаве. Под полом деревянной английской пристани количество *Medusa aurita* было так невероятно громадно, что, зачерпывая здесь воду, он находил в банке почти одних медуз. Близ берега Владимир встретил два больших экземпляра *Rhizostoma cuvierii*, один из которых имел около полутора футов в диаметре, другой — около фута; ловцу едва удалось привлечь с помощью палки второе животное, упорно уплывавшее от берега. В тине на мелководье Чернявский поймал большого *Carcinus maenus* и *Xantho rivulosus*; они доехали живыми до Одессы и даже дальше: *Carcinus* жил ещё более трех суток, а *Xantho* — пять (почти до Екатеринослава). В балаклавской тине Владимир выкопал громадных *Nereis*, бледно-буроватых с красными продольными полосками.

Отправившись на лодке в Казачью бухту, он приобрёл разноцветных *Actinia zonata*, сидевших на камнях вместе с *Balanus improvisus*; тут же были *Cardium*, *Naesea bicolor* и др. А от зрителя Чернявский получил чудовищную клешню *Eriphia spinifrons*, пойманного в пещере, куда въезжают на лодке. Съеденное животное было с тарелку величиною!

Поработать в Севастополе харьковчанин не смог: через час после его приезда сюда в порт зашел колёсный пароход «Аргонавт», направлявшийся в Одессу. И Владимир, вспомнив тряску перекладной, решил вернуться другим путём, более безопасным для собранных материалов, — через Южную Пальмиру, а затем вверх по Днепру.

В Харьков Владимир прибыл в октябре и взялся за обработку собранной коллекции, насчитывавшей 60 видов беспозвоночных животных, в том числе 35 ракообразных, из которых две трети были, по его мнению, новы для черноморской фауны. Профессор-зоолог А. В. Чернай (1821–1898) предоставил своему ученику «для пополнения сведений» коллекцию черноморских животных, привезенных в 1837 г. с Кавказа профессором И. А. Криницким (1797–1838).

Иван Андреевич Криницкий был для харьковских студентов-зоологов героической легендой: он отправился

в 1835 г. изучать природу бассейнов рек Кубани и Терека, где война и свирепая малярия ежегодно собирали десятки тысяч жертв. Профессор Криницкий тоже умер от лихорадки, но успел доставить в университет собранные коллекции беспозвоночных и других животных.

Работа с материалами мученика русской науки наварняка будила в юном зоологе мечты об исследовательском подвиге. Черноморское побережье Кавказа, только что очищенное от враждебных племен, оставалось во власти болотной лихорадки. От неё теперь реже умирали, но подхватить здесь малярию было так же легко, а избавиться от неё — так же трудно, как прежде.

Учась на втором курсе, В. И. Чернявский запланировал подготовить публикацию по результатам первой экспедиции и возобновить работу в Ялте уже в мае 1867 г. Однако студент столкнулся с серьёзными затруднениями: оказалось, что библиотека Харьковского университета в то время почти не располагала литературой по морской фауне беспозвоночных.

Не скупясь на затраты ради науки, Владимир заказывал нужные книги за границей, но медленность их доставки ломала его планы. Некоторые немецкие сочинения он получил в декабре, а такие важные книги, как «Британские сидячеглазые» Sp. Bate, Westwood и бельгийские «Crustacea» van Beneden, пришли лишь к лету 1867 г. «Обманчивое поджидание шведских монографий» задержало студента в Харькове до 4 июня, и поскольку при получении новых сочинений приходилось переделывать статью заново, Чернявский так её и не закончил.

Вторая экспедиция на Чёрное море. Участие в I Съезде русских естествоиспытателей. Крымская часть второй экспедиции В. И. Чернявского также описана в работе [11]. На этот раз Владимир ехал из Харькова через Таганрог. Ожидая там пароход, он собрал между камнями у берега значительное число *Gammarus poecilurus* («здешние экземпляры курчавы»), крупных *Lumbricina*, несколько экземпляров интересной формы, близкой к роду *Gammarus*, а также маленьких пиявок и моллюсков. У берега встречались *Rana viridis* и *Bombinator igneus*. В заливе жили, по словам жителей, речные раки, но попытки студента добыть их не увенчались успехом.

Принесли пользу науке и стоянки парохода в Керчи и в Феодосии. У берега Керченской бухты, на каменистом дне и между альгами, Чернявскому встретились разноцветные *Idotea tricuspidata* в невероятном количестве; множество *Gammarus poecilurus*, *Sphaeroma* и *Actinia mesembryanthemum*; несколько моллюсков и один громадный экземпляр *Orchestia mediterranea*.

Густыми альгами, покрытыми гнёздами рачков из семейства Corophiidae, поросли и столбы городской купальни. Наполнив банку массой этих рачков, Владимир заметил в ней виды *Amphithoe vaillantii* (преобладавший по количеству и по величине), *Podocerus oculus* sp. Bate, *Cerapus macrodactylus* D. var., *C. pugnax* D. var., *Dercothoe punctatus* и *Corophium bonellii*. Оба *Cerapus* показались студенту

близкими к видам, живущим в ост-индском море Сулу.

В Феодосии *Idotea tricuspidata* была не так изобильна, как в Керчи, и *Gammarus poecilurus* (странного зелёного цвета и весь маленький, хотя самки несли зрелые яйца в грудном мешке) превосходил её массой.

Наконец, 13 июня 1867 г. В. И. Чернявский прибыл в Ялту, где в течение недели разбирал таганрогские, керченские и феодосийские сборы, а также совершил поездку на водопад Учан-Су, оказавшуюся, однако, бесплодной: ожидаемой *Jaera* он здесь не нашёл.

До середины июля вода была так холодна, что не позволяла находиться в ней дольше 10–15 минут. Тем не менее студент возобновил поиск на точках 1866 г. — на скалах мыса св. Иоанна и у рыболовного завода. И снова каждый выход доставлял ему 2–5 новых форм.

Позже вода в Ялтинском заливе, наконец, согрелась; доселе многочисленная *Idotea tricuspidata* удалилась на глубину. Теперь «зоологические купанья» Владимира среди скал, покрытых альгами, растягивались на 2–4 часа, и в его коллекции появились *Stenorhynchus*, *Strauchia*, *Probolium*, *Phoxichilidium*, *Aeolis* (с *Tergipes*) и во множестве — *Lucernaria*, «не доказанная ещё и в Средиземном море».

Неподалеку, в Гурзуфском заливе, занимался драгированием вышеупомянутый доцент П. Т. Степанов, собравший там, по словам его бывшего студента [15], богатые коллекции простых и сложных асцидий, губок, интересную офиуру и формы аннелид, новые для Чёрного моря. Чернявский, однако, предпочёл сотрудничество с другими учёными.

Вместе с г. Мечниковым и проф. Ценковским (первый состоял доцентом Новороссийского университета, а второй собирался перейти из Одессы в Харьковский университет) он совершил три экскурсии на лодке на расстояние от 0.5 до 1 версты от берега. Студент хотел добыть пелагические формы Copepoda, Мечников — собрать личинок, а Ценковский — пелагических Protozoa. Плодами поездок стали: новая форма *Rostraria* (вид *R. hexapoda* n. sp.), образующая новый порядок Protopycnogonida; масса *Zoëa* краба *Carcinus maenas*, из Copepoda — *Pontella*, *Pontellina*, из Polyphemidae — роды *Evadne* (замечена впервые г. Мечниковым), *Podon*, *Pleopis*; личинки аннелиды *Spio nemertinaeformis* n. sp. Наконец — замеченные впервые также Мечниковым *Sagitta* и Appendicularia. А ещё будущий нобелиат презентовал студенту ктенофору *Cidippe* и найденную между губками *Reniera* новую форму пикногонид *Parachelia* n. g. (с видом *P. mecznikovii* n. sp.).

Самостоятельная аренда лодки (1.5–2.5 руб. в час с драгою) была слишком дорога для Чернявского, и он решил полнее исследовать прибрежную фауну. Но шёл август 1867 г.; начинались штормы, прекращавшие экскурсии, а фауна заметно обеднела — новые формы попадались по одной и не каждый день. И у Владимира возникла «мгновенная решимость немедленно познакомиться хотя

бы с Сухумом»; она привела его на борт колёсного парохода «Великая княгиня Ольга».

В трудах Чернявского нет описаний его первых сухумских экспедиций. Но результаты поездки 1867 г. нашли отражение в его трудах (см. ниже). Владимир поднимался в горы, где в сентябре нашёл в пресном водоёме на большой высоте форму морского рода *Janira*.

Между тем ему пора было возвращаться в Харьков: к зиме ещё предстояло подготовить доклад на I Съезд русских естествоиспытателей. Университетская кафедра зоологии помогала чем могла своему выдвиженцу. Доцент П. Т. Степанов вручил ему уникальную офиуру, добытую им при драгировании Гурзуфского залива (до тех пор никто не находил какую-либо форму Echinodermata на Чёрном море!) — для определения в Петербурге и последующей публикации. Профессор А. В. Чернай, у которого было своё сообщение «О беспозвоночных животных Харьковской губернии», опекал талантливого студента и в столице, где Чернявский спешно дорабатывал свой доклад.

Научный Петербург встретил молодого харьковчанина удивительно радушно. Академики Ф. Ф. Брандт (основатель и первый директор ЗМ АН) и А. А. Штраух (действующий директор) с редкой добротой и предупредительностью допустили Чернявского в богатую зоологическую библиотеку АН «без всякого ограничения места и времени». И. Г. Вознесенский, хранитель ЗМ, предоставил Чернявскому для просмотра коллекции рачков от Ратке, Криницкого, Нордмана; большую коллекцию, собранную в Крыму и в Одессе Кушакевичем; коллекцию животных Каспийского моря, собранную г. Гебелем, где встретились многочисленные *Mysis*, несколько видов *Corophium* и др.

Ф. Ф. Брандт любезно позволил воспользоваться разбором коллекции ракообразных, собранных им самим в Крыму и в Боржоми. Особенно интересны были гигантские *Carcinus maenus* и *Pachygrapsus marmoratus*, которые Чернявский считал, наряду с собственными гигантскими *Eriphia spinifrons* и видами *Orchestia*, аргументами против мнения проф. Вагнера об отсутствии в Чёрном море крупных форм беспозвоночных других морей. Наконец, он изучил в ЗМ коллекцию беспозвоночных, собранную Н. Я. Данилевским в Балаклавской, Феодосийской и др. бухтах Крыма.

I Съезд русских естествоиспытателей стартовал в конце декабря 1867 г. Присмотреть за подопечными приехал попечитель Харьковского учебного округа А. А. Воскресенский. Из протоколов заседаний по отделению зоологии [7] видно, что слово студенту Харьковского университета В. Чернявскому предоставлялось три раза. Сначала Владимир сообщил о четырёх видах *Orchestia*, найденных им в Чёрном море и связанных переходными формами (п. 5 протокола первого заседания 30.12.1867 г., с. 5), затем доложил о найденных им черноморских ракообразных из групп Cyclopoda и Phyllopoda (п. 7 того же протокола, с. 5).

А уже в новом году ([7], п. 6 протокола экстренного заседания отделения зоологии 02.01.1868 г., с. 9–10) студент, изложив результаты исследований Ратке, Нордмана, Кесслера и Вагнера в области беспозвоночных Чёрного моря, в частности ракообразных, сообщил о своих находках в Ялтинской и Сухумской бухтах. Докладчик собрал 112 видов ракообразных (из которых 88 новых для Чёрного моря), 5 видов паукообразных (Pycnogonida и Acarina), 12 видов водоважалок (Nemertinae, Rhabdocoela и Dendrocoela), 11 видов кольчатых червей (новых 8), 5 видов свободноживущих глистов (*Urolabea*), 4 вида бескишечных (в том числе *Cydidippe deusa*, *Lucernaria* и *Campanulata*) и 4 вида губок, ещё не находимых в Чёрном море. Им были найдены также 8 видов пресноводных раков, из которых 1 принадлежал к роду *Jaera*, а другой — к роду *Janira*, то есть к морским формам.

Теперь число известных видов беспозвоночных Чёрного моря, за исключением моллюсков, дошло до 186, из коих Чернявским собрано лично 168 (новых для Чёрного моря — 132).

В 1868 г увидели свет «Материалы для зоографии Понта» [11]. Первая печатная работа студента имела подзаголовок «Часть 1. Ракообразные животные Ялтинского залива», что подразумевало её расширение на другие области — географические и зоологические. Заслуживают цитирования следующие слова автора:

«Собранные мною 80 видов ракообразных, с несколькими разновидностями, принадлежат 58 родам, распределяющимся на 28 семейств. За исключением 6 пелагических видов из семейств Calanidae (1), Pontellidae (2) и Polyphemidae (3), взятых при поверхности моря вдали от берега, а также *Corophium bonellii* и *Orchestia mediterranea*, найденных в Керченском заливе, и *Chelura terebrans* из Алупки, — все остальные 71 вид, 50 родов из 24 семейств принадлежат к богатому населению двух групп больших камней, погруженных в воду на мысе св. Иоанна и у рыболовного завода в Ялте. Расстояние между этими пунктами не достигает и версты, ширина исследованного яруса — немногим более полудесятка сажений. Но и эти две полосы вполне исследованы лишь в удобных местах площадью не более 150 квадратных сажений — пространство, ничтожное в сравнении с величиною Чёрного моря. Притом они подвергались исследованию в течение семи недель лета 1867 г. <...>, так что можно предположить здесь впадение более богатую фауну. Весеннее время было бы более благодарным для исследования такого каменистого и скалистого побережья, каково здешнее.

Если беспристрастно сравнить указанную цифру разнообразия Crustacea на этом ничтожном клочке побережья с результатами многолетних розысканий van Beneden на бельгийских берегах искони богатого Северного моря <...>, то ясна вся несостоятельность мнения о бедности черноморской фауны. Я даже решаюсь утверждать, что фауна ракообразных целого бельгийского берега беднее

фауны ракообразных одного Ялтинского залива, что фауна группы свободноживущих Copepoda в Ялтинском заливе богаче, нежели у берегов Великобритании и Бельгии».

Конечно, сегодня, через полтора века, можно авторитетно констатировать, что на первоначальном этапе исследований фауны ракообразных неопознанные или ошибочно определённые виды часто описывались как новые, что создавало значительную путаницу. Не всегда бывал прав и увлечённый романтикой и патриотизмом открытый Владимир Чернявский. Профессора и академики бескорыстно помогали студенту; его работа, бо́льшая по объёму иных диссертаций, вышла отдельным изданием, а затем и в «Трудах» I съезда.

И. И. Мечников в «Трудах» I съезда отметил двоякими скромными замечаниями. Затем, дождавшись выхода из печати «Трудов» съезда, он опубликовал под инициалами М. И. отрицательную рецензию на это издание [3].

Экспедиции 1868 и 1869 гг. Критика первой работы. Летом 1868 г. В. И. Чернявский, окончив третий курс Харьковского университета, отправился, минуя Крым, на Черноморское побережье Кавказа. Вероятно, у него уже родилась мысль о создании там постоянной биостанции, и теперь Владимир хотел выбрать для неё место. Сначала он работал в Сухумской бухте, а к концу лета перебрался в Поти, чтобы исследовать фауну системы озера Палеостомии.

Всю зиму 1868–1869 гг. зоолог напряжённо работал в Харькове над подготовкой предполагавшегося второго выпуска «Материалов для зоографии Понта»; П. Т. Степанов любезно предложил ему для пополнения материалов своих губок, аннелид и многое другое. Несмотря на постоянные возвраты жестокой лихорадки, приобретённой им на Кавказе, Владимир успел к весне подробно разработать весь материал, долженствовавший войти в состав нового выпуска, а именно Protozoa, Coelenterata и в том числе 15 видов губок, Turbellaria, Annelida, из Echinodermata — Amphiura, Rotatoria (1 вид), Rysnagonida (2 вида из 2 родов), морские Acarina, Molluscoidea и из простейших рыб — Amphioxus [15]. Оставалось переписать готовую работу, и Чернявский уехал 6 июня 1869 г. в Ялту, где прожил 2 месяца до начала II Съезда русских естествоиспытателей в Москве.

Но море, как всегда, отвлекло его от письменного стола: благодаря приобретённому навыку отыскивать прибрежных животных, Владимир был положительно завален редкими и интересными формами аннелид, турбеллярий, целентерат, морских паучков и т. д., из которых около 40 видов ещё не были описаны из Чёрного моря. Однако подготовленную к печати рукопись второй части своей «Зоографии» Чернявский на съезд так и не привёз.

Помешало ему в этом и появление весной 1869 г. статьи [3], подписанной М. И., имевшей целью продемонстрировать доказательно и полно научную несостоятельность докладов предыдущего съезда по отделению зоологии. Главной мишенью анонимный критик избрал со-

чинения профессора Кесслера «Материалы для познания Онежского озера и Обонежского края» и студента Чернявского «Материалы для сравнительной зоографии Понта», по мнению М. И., далеко превосходившие объёмом, «раздумым» ради внешней представительности, богатство своего содержания.

Как считал аноним, в работе зоолога К. Ф. Кесслера среди редких фактов, интересных для географии и систематики животных, «на каждом шагу встречались неосуществленные претензии и напрасное витийство», а сочинение г. Чернявского поразило критика «напыщенностью своего громкого названия». Взглянем внимательнее на эту часть статьи [3].

М. И. упрекал Чернявского в том, что он не ссылается на «Моллера», восхваляя «достоинства класса ракообразных для решения некоторых вопросов о превращении видов», хотя тот несравненно основательнее разобрал сущность дела, нежели г. Чернявский. Раздражало критика и то, что студент длинно распространяется о своем путешествии, хотя «учёная статья — не путевые записки, и могла бы обойтись без никому не интересных подробностей о его личности».

Негодование у рецензента вызвали слова о том, что Ялтинский залив богаче фауной ракообразных, чем берега Великобритании и Бельгии. Немало ошибок автор «Зоографии Понта» допустил, по мнению М. И., из-за незнакомства с зарубежной литературой. Так, внутренний пластинчатый отросток на ногах *Podon mecznikowii*, который Чернявский «считает своим открытием и весьма этим гордится», был описан в работе Клауса (1864). Далее студент «вовсе игнорирует работы Леббока и Клаперада (*Lubbock* и *Clapared*. — К. Р.) о свободно живущих Copepoda, хотя он мог бы извлечь из них для себя полезные указания». Критик привел и другие примеры «неверности фактов, которых в действительности не существует»; их можно было бы избежать, «справившись с работами Лейкарта и Моллера».

Но главный повод был в другом [3]: «Недостатки «Материалов к зоографии» не были бы существенны, если бы автор не обнаруживал на каждом шагу самых педантических претензий, а относился бы к делу с должной скромностью. С такою, как г. Бобрецкий, в статье которого «Щетинконогие черви Севастопольской бухты» также попадают промахи, но на них смотришь иными глазами — ведь автор не высказывает намерений положить основание чьей бы то ни было генеалогии, а скромно описывает то, что видел и узнал из небогатых литературных источников».

Не забыл М. И. и статьи в «Трудах» г. Маркузена о черноморской фауне, которая «содержала беспорядочный перечень очень немногих, частью ещё не окончательно определённых форм, куда включены зачем-то и некоторые чисто пресноводные животные. <...> Всё это не помешало автору сделать очень смелое заключение о фауне Чёрного моря, которую он считает более сходной с фауной се-

верных морей, чем Средиземного моря. Этот вывод совершенно расходится с мнением г. Чернявского».

Ответ М. И. дал А. Н. Бекетов — в мае 1869 г., в столичной газете. Маститый ботаник защитил «Труды» и Чернявского лично от нападок. Нельзя не выразить удивления и сожаления, писал Бекетов [1], что нашёлся человек, который, скрываясь в тени и прибегая к софизмам, унизил первое энергическое проявление воссоединения учёных сил России. М. И. взялся за перо с единственной целью — уронить в глазах публики достоинство «Трудов съезда». Выбрав две зоологических статьи с массой новых научных данных, критик отыскал в них 4 маловажные ошибки. Один из порицаемых авторов неверно-де описывает трёх раков, а другой — одного червя (за что М. И. на трёх страницах злобствует на г. Кесслера? Весь шум поднят из-за червяка *Nais gigantea*), но аноним намекает, что и химики, и математики, и ботаники, и астрономы поместили в «Трудах» негодные работы. Это — следствие или расстройств мыслительной деятельности М. И., или недоброжелательства, доведённого до озлобления и самозабвения.

В письме ботаника рецензия М. И. несколько раз названа «памфлетом», состояние её автора — «ослеплением злобою»; есть там и намёк на сведение личных счётов. Опытный полемист легко отмёл нападки М. И. на работу студента-первокурсника. Если г. Чернявский приписывает себе открытие внутреннего пластинчатого отростка, уже описанного у Клауса, то тут дело в недосмотре; для зоологии же всё равно, кто открыл отросток. Аноним заявляет, что г. Чернявский неправильно приписал шесть пар ног двум найденным им ракообразным? Но сам М. И. не видел этих ракообразных, поэтому его доказательство недостаточно. Не доказывает критик ничем и своё мнение, что у *Sacculina* не существует отверстия полости тела. Так надо ли обращать внимание на голословные отрицания? Нет, больше оснований верить г. Чернявскому, нежели неизвестному М. И. Хорошо, что г. Чернявский описывает свои экскурсии в стране, богатой животными, но мало изученной: для его последователей эти практические указания весьма полезны.

И, наконец, самые важные строки письма [1], где А. Н. Бекетов продемонстрировал большую проницательность и выразил мнение подавляющего большинства коллег: «Господин Чернявский — студент, и эта первая его работа включает такую массу новых фактов, что без неё впредь не обойдётся ни один зоолог, которому придётся заниматься фауной Чёрного моря. (*Ботаник был прав: прошло полтора века, а «Зоографию Понта» до сих пор вспоминают.* — К. Р.). Сообразно ли злобно вливаться в молодого, начинающего учёного, который доказал блистательно свою любовь к науке, неутомимую деятельность и умение наблюдать? Не значит ли это бросаться ему под ноги с явным желанием остановить его при первых шагах? За что такая злоба, спрашиваешь себя невольно, припоминая таинственные буквы М. И. Зависть это или общее недобро-

желательство?»

Участие во II Съезде русских естествоиспытателей. На форум, проходивший в Москве в августе 1869 г., Владимир прибыл уже в статусе «бывшего студента Харьковского университета»; с ним были сотрудники последнего — доцент Г. Ф. Шперк (1845–1870), исследователь водорослей Чёрного моря, и консерватор зоологического кабинета К. К. Пенго (1841–1878), изучавший морских и пресноводных беспозвоночных.

Большую часть сборника трудов съезда по секциям зоологии, анатомии и физиологии занимали 12 докладов; первой стояла работа В. Н. Ульянина «Ресничные черви Севастопольской бухты (турбеллярии)». В. И. Чернявский доклад для печати не подал, но оставил след в протоколах заседаний зоологической секции съезда [6].

Прежде всего надо сказать, что он стал одним из «отцов-зачинателей» Севастопольской биологической станции (СБС). В протоколе заседания 23.08.1869 г. зафиксировано (п. 8), что «Н. Н. Миклуха-Маклай говорил об устройстве зоологических станций для приезжающих к морю натуралистов». Заседание секции 28.08.1869 г. председатель проф. Э. Э. Баллион открыл заявлением [6, с. XXIX]: «Ранее г. Миклуха-Маклай довел до сведения собрания, что стараниями его и доцента Иенского университета Дорна устроена зоологическая станция в Мессине, на которой каждый путешествующий зоолог может найти все существенные пособия, необходимые при изучении фауны Средиземного моря. <...> Не менее препятствий и затруднений встречает учёный, поставивший себе задачей изучить фауну морей, омывающих берега нашего обширного отечества. Для устранения по возможности затруднений изучения фауны русских морей весьма желательно, чтобы подобные зоологические станции были устроены на берегах морей Чёрного и Белого. Учреждение этих станций, мне кажется, не сопряжено с особенными затруднениями, если только русские зоологи окажут предприятию не только свое тёплое сочувствие, но и вещественное содействие.

Ввиду той пользы, которую могут принести зоологические станции, я предлагаю назначить комиссию из лиц, занимающихся изучением морских животных и бывавших на берегах Чёрного моря, и поручить комиссии: 1) избрать местность, наиболее удобную для учреждения станции; 2) составить список всех необходимых снарядов, как-то сетей, драг, сосудов и проч.; 3) обсудить, какими средствами поддерживать эти станции.

В члены этой комиссии я предлагаю проф. Кесслера, проф. Вагнера, проф. Богданова, акад. Овсянникова, г-д Зенгера, Ульянина и Чернявского <...>».

Сочленами В. И. Чернявского были видные учёные, но его вклад замечен в согласованном решении комиссии (п. 7 протокола заседания 29.08, с. XL):

«1) Комиссия видит возможность учредить на первое время две станции у Чёрного моря: одну в Севастополе, другую в Сухум-Кале. После того, как осуществляются две

первые, наиболее необходимые, может быть поднят вопрос о станциях у других русских морей, или на берегах Западной Европы, которые также желательны.

2) По мнению комиссии, предполагаемые станции должны быть снабжены снарядами для лова животных, посудой и в особенности библиотекой, преимущественно из периодических изданий по зоологии и сравнительной анатомии, каковы, например Troschel's Archiv, Zeitschrift für wissenschaftliche Zoologie и др.

3) Для учреждения станций необходимо открыть подписку между членами съезда и обратиться к Морскому министерству с ходатайством о нравственном содействии этому предприятию. Средства, собранные подпиской, понадобятся главным образом для Севастопольской станции. Об осуществлении же станции в Сухум-Кале предлагает озаботиться член съезда В. И. Чернявский.

4) Заботы по осуществлению зоологических станций, подробное обсуждение средств и условий их существования, комиссия полагала бы просить принять на себя Императорское общество любителей естествознания (Санкт-Петербургское — К. Р.).

Члены, присутствующие в собрании, согласились с заключениями комиссии».

Но Владимир Иванович и как исследователь сообщил с трибуны немало новых фактов и идей. В протоколе восьмого заседания секции, где председательствовал проф. К. Ф. Кесслер (с. XLIII), отмечено, что В. И. Чернявский доложил о низших черноморских животных, которых собрал, считая несколько форм Руспogonida, Bryozoa и Tunicata, около 100 видов — преимущественно берегового яруса с глубиной 0–5 футов. Не касаясь корненожек, инфузорий, *Nocteluca miliaris*, докладчик остановился на исследованных им 14 видах кремнистых губок, принадлежащих к родам *Reniera*, *Esperia* и *Schmidtia*; большинство этих видов новы.

Подробное изучение строения скелета губок показало г. Чернявскому, что: 1) различные сорта кремнистых игл всегда незаметно переходят один в другой в одной и той же губке, в одном и том же экземпляре; 2) двойные асимметрические якоря, составляющие характерную принадлежность скелета в роде *Esperia*, встречаются и у некоторых черноморских *Reniera*; 3) черноморские *Reniera* обнаружили гораздо большее разнообразие сортов игл, нежели все известные виды; 4) градиционное осложнение скелета в ряду черноморских *Reniera* тесно примыкает к простейшей организации некоторых черноморских *Esperia*: характерное для *Esperia* соединение кремнистых игл в сеткообразно-анастомозирующие нити едва возникает, и вся паренхима не отличается строением от предшествующих *Reniera*; только у высших черноморских *Esperia* сплывание игл в нити распространяется и на всю паренхиму губок.

Из этой изменчивости докладчик заключал, что тесное соотношение черноморских *Reniera* и *Esperia*, указывая на их генетическую связь, делает излишним тот околь-

ный путь, которым, по мнению О. Schmidt, из рода *Reniera*, корня всех средиземноморских кремнистых губок, через посредство рода *Muxilla* развился сперва род *Desmacidon*, а из последнего произошел уже род *Esperia* с асимметрическими якорями. Постепенное осложнение организации в одном ряду форм из двух родов, относящихся, по О. Schmidt, к двум семействам генетического древа средиземноморских губок, говорило, по словам В. И. Чернявского, о недолговечности резких разделений там, где организация движется медленно, без скачков. В докладе много внимания было уделено не только строению, но и предполагаемому процессу возникновения и развития кремнистых игл губок.

Особо отметил докладчик губку, найденную в Гурзуфе (разновидность адриатической *Reniera alba*): она представляла собой трубку, сидящую нижним слепым концом на раковине моллюска. Верхнее отверстие трубки было аналогично рту полипов, а внутренняя полость во всю длину трубки — их желудочной полости, как у *Guancha blanca* Миклухо-Маклая.

Из «желудочных животных» Чернявским были найдены 3 актинии, 2 *Lucernaria*; в громадном числе у берега Сухума встречались гидромедузы из родов *Eudendrium*, *Campanularia*, *Sertularia*, *Plumularia*, *Aglaophenia*. В Ялтинском заливе встречались медузы *Oceania*, *Sarsia* и т. д. *Medusa aurita* по краевым тельцам отлична от балтийской тем, что имеет особый мерцательный мешочек, открывающийся отверстием наружу. Черноморскую офиуру следовало, по мнению Чернявского, принять за новый вид *Amphiura* (*A. stepanovii* Czern.).

Чёрное море, утверждал докладчик, весьма богато червями: в Ялтинском заливе и Сухумской бухте им определено около 60 видов, в том числе до 40 аннелид, из которых замечательны *Sacconereis*, *Grubia fusifera* Qtrf., особая *Pectinaria*, *Glycera*, особая *Podarke* и большое разнообразие различных nereid. Из *Acarina* замечателен *Halacarus rhodostygma*: его разновидности в Чёрном море, ялтинская и сухумская, соответственно географическому удалению приобретают всё новые и новые отклонения, сохраняя и прежде приобретённые.

Начатые исследования по черноморским губкам и червям имели последствием солидные монографии В. И. Чернявского, а результаты изучения фауны системы озера Палеостомы привели его к новым идеям. Зоолог, как и ожидал, нашел здесь в 1868 г. остатки черноморских животных: *Palaemon squilla*, *Podopsis pontica* n. sp., *Orchestia montagui*, *Talitrus saltatum*, *Gammarus poecilurus*, *Corophium bidentatum* n. sp., *Enchytraeus jaltensis* n. sp., *Nereis*; кроме того, также морских *Balanus*, особую форму немертины из невооруженно-хоботочных; *Cordylophora mingrellica*, в устройстве полипняка совершенно сходную с пресноводной английской *C. lacustris* и с *C. albicola*, найденную Киршенпауэром в устье Эльбы. Вода в озере была пресная, солёная же изредка примешивалась из моря при нагонном ветре, но пресноводных животных там жило менее,

нежели морских. Между последними в Палеостоми встречались: *Mugil*, *Triygon*, *Engraulis*, по словам рыбаков — игла, горбыль, морской язык и весною сельдь. Морские свиньи (*Delphinus*) были в озере весьма обыкновенны.

Теперь, в 1869 г., зоолог напомнил коллегам, что от Палеостоми озёра и болота тянутся к горам русской Армении, где имеется новая цепь озёр, стоящая в связи с озёрами турецкой Армении. Многие из них были солёными, и Чернявский предлагал поискать во всех этих водоёмах «морские остатки». Он полагал, что в прошлом Чёрное море имело прямую связь с Индийским и Тихим океанами и следы этой связи будто бы сохранились. И не только ископаемые — диллювиальные пласты с *Mytilis polymorphus* на высоте 6 тыс. футов близ Эрзерума; миоценовые морские осадки на высоте 7–8 тыс. футов в узле Тавра и Загроса, богатство которых морскими ежами и мшанками указывает на бывшее там море; миоценовые морские осадки на высоте 12 тыс. футов близ озера Урмии. Докладчик указал на наличие в Чёрном море ост-индских и тихоокеанских форм *Cerapus* (особенно же *Siriella*), некоторых водорослей далёких океанов, не обитающих в Средиземном море.

После съезда Чернявскому пора было спешить в Харьков, чтобы защитить, наконец, диссертацию, стать полноправным членом академической корпорации, включиться в учебный процесс. Но... из Москвы Владимир Иванович отправился не в стены alma mater, а в библиотеку ЗМ АН [15]. Здесь Чернявский заканчивал обработку материалов, собранных летом в Ялте. Когда он ближе к холодам приехал в Харьков, вернулись и приступы лихорадки. Опасаясь развития её последствий, донимавших его здесь всю предыдущую зиму, молодой зоолог уехал в Ялту. Там он надеялся за зиму переписать набело свою работу. Но эти надежды не оправдались.

Экспедиция 1870 г. Перебазирование в Сухум и расширение тематики исследований. Именитые коллеги из добрых побуждений и в Ялте не оставляли В. И. Чернявского своими заботами. Так, проф. А. О. Ковалевский переслал ему сюда 5 баночек с ракообразными и червями (вместе с водорослями или грунтом), привезёнными с Каспия [13].

Плюс к тому Ялта и зимою оказалась «пунктом, богатым в зоологическом отношении». В конце февраля и в марте, когда ловилась камбала, Чернявский был завален массой нового материала: целентерат, аннелид, ракообразных, рыб и т. д. Зоолог не успевал разбирать до поздней ночи то, что получал утром от нескольких деятельных мальчиков, с которыми вошел в соглашение: они пересматривали все закоулки на дне лодок и сети после каждой ловли камбалы. Этот способ получения морских беспозвоночных оказался дешевле многих других!

За живой работой на море лихорадка прошла, и весной 1870 г. Чернявский отправился в Абхазию, обременённый новым богатым материалом, требовавшим времени для обработки. В Сухуме зоолог опять увлёкся разно-

образием животных форм, которыми здесь ещё никто не занимался; у него не нашлось и минуты для разбора коллекций губок, собранных по дороге в Новороссийске (апрель 1870 г.) благодаря волнению, выкидывавшему на берег множество прекрасных экземпляров из родов *Esperia*, *Schmidtia*, *Protoschmidtia*, *Pellina*, *Reniera* и др.

К зиме 1870–1871 гг. В. И. Чернявский вернулся в Харьков, где состоял действительным членом Общества испытателей природы при университете. Протоколы заседаний Общества [5] свидетельствуют, что зоолог иногда лично присутствовал там. Например, 23.12.1870 г. он запросил разрешение на «право постоянной стрельбы с научною целью» в Абхазии.

Более интересен факт участия Владимира Ивановича в судьбе будущей заведующей СБС. В протоколе № 2 заседания Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете 15 февраля 1871 г. имеется пункт 9: «Господа А. В. Чернай, В. И. Чернявский и П. Т. Степанов сделали предложение: «Г-жа Переяславцева постоянно оказывает сочувствие к учёной деятельности нашего Общества и подтвердила это принесением в дар коллекции чешуекрылых, собранных в Воронежской губернии и ею определённых. Сверх того, она намерена представить в Общество новые наблюдения, касающиеся низших животных. Это даёт нам достаточный повод предложить С. М. Переяславцеву в члены-сотрудники Общества».

На заседании 15 марта того же года, где В. И. Чернявский присутствовал лично, С. М. Переяславцева была избрана баллотировкою в число членов-сотрудников Общества (п. 24 протокола № 3). Так она получила путёвку в научную жизнь.

Сам же Чернявский так и не вписался в академическую карьеру. Диссертацию он, похоже, и не начинал, а первая часть «Зоографии Понта» девять лет оставалась его единственной публикацией!

Летом 1871 г. В. И. Чернявский отправился в Сухум, где стал владельцем земельного участка и построил на нём дачу. Как свидетельствует его более поздняя статья [14], зиму 1871–1872 гг. Владимир Иванович провёл уже здесь, устраивая на участке сад и огород.

Зоолог умолчал о том, каким образом он получил участок над городом, на горе Самато, позже получившей название «гора Чернявского». Улица Чернявского есть там и сегодня, а на ней двухэтажный дом № 7, построенный учёным (см. ч. III). Но этот особняк, сгоревший в 2012 г. и затем восстановленный властями Абхазии, — не та первая дача, где Чернявский жил в 1870-е гг.

Участок Владимира Ивановича находился выше других на г. Самато. Господствующее положение дачи Чернявского засвидетельствовал Р. А. Прендель (1851–1904), лаборант кафедры минералогии Новороссийского университета, побывавший в Сухуме летом 1878 г. (рис. 22).

По словам В. И. Чернявского [14], его участок находился на высоте 500–600 футов, на южном склоне горы,

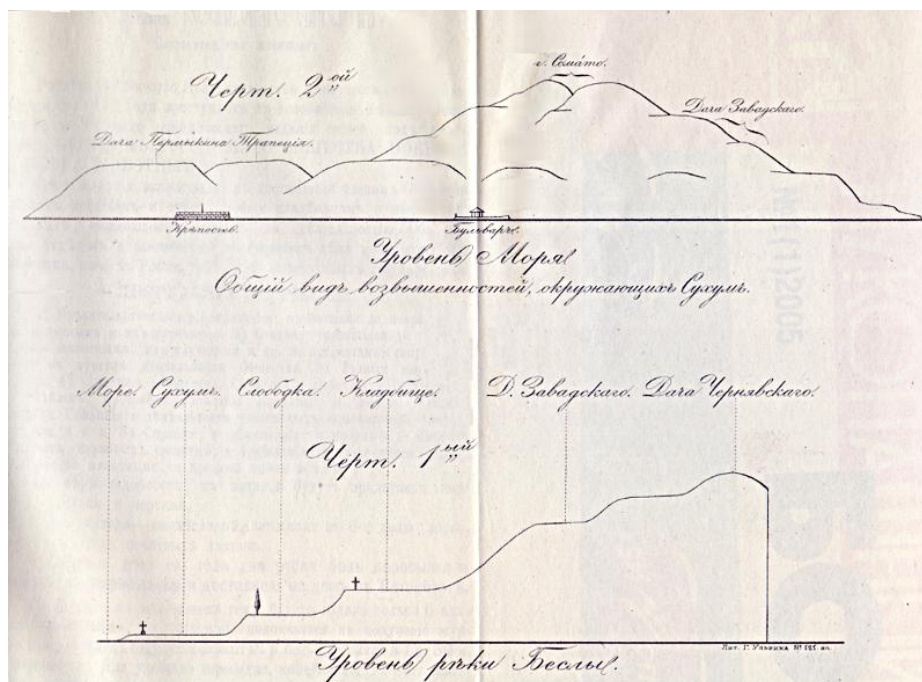

Рис. 2. Схема системы террас, опоясывающих Сухум [4]:верху — общий вид на город со стороны моря; внизу — профиль той части горы Самато, которая обращена к морю

Fig. 2. Outline of the system of terraces, encircling Sukhum [4]: top — general view of the city from the sea; below — the profile of the Samato mountain part, faced to the sea

но занимал и тенистое ущелье. Вероятно, зоолог получил землю в рамках программы оздоровления Сухума, состоявшей в «разделении ближайших окрестностей города на санитарные участки и раздаче их желавшим для обработки и культуры, взамен диких, поросших непроницаемым кустарником, сырых и болотистых мест».

Ближайшим соседом Чернявского был полковник (позже — генерал-майор) Ф. А. Завадский. Опубликованные в 1867–1882 гг. статьи Завадского «Абхазия и Цебельда», «К вопросу о дороге в Абхазию», «О садоводстве в Абхазии» историки вспоминают и сегодня. Возможно, он и обратил внимание Чернявского на своеобразие края.

Другим соседом Чернявского по участку был некто Бобоедов, вошедший в историю Сухума как владелец прекрасного сада. Так что Владимир Иванович не являлся, как иногда пишут, единоличным владельцем г. Самато, вырубившим на ней весь лес. Но со временем, в годы курортного бума, сухумский участок Чернявского покрылся многими особняками (см. ч. III). Можно не сомневаться, что зоолог распродал его по частям под дачную застройку.

Пока же Владимир Иванович очистил участок от зарослей, оставив лишь часть деревьев. Здесь он, покупая саженцы и семена, выращивал много культурных растений от репы, редьки, огурцов, моркови, картошки и кукурузы до грецких орехов, миндаля, персиков, лимонов, апельсинов, эвкалиптов и бананов [14]. Сад и огород доставляли учёному продукты питания. Вместе с тем зоолог характе-

ризовал свою агрономическую деятельность и как научный эксперимент (см. ч. II).

Однако вряд ли можно считать всё это реализацией обнародованного в 1869 г. проекта Сухумской биостанции. Нет данных о том, что к Чернявскому сюда приезжали работать биологи, как они приезжали на СБС. Самому Владимиру Ивановичу не мешала удалённость дачи от моря, и он до лета 1876 г. включительно продолжал свои исследования морской фауны. Но своя лодка у него так и не появилась, как и драга, хотя зоолог был, по косвенным признакам, человеком не бедным.

В сухумском уединении В. И. Чернявский готовил к печати целую серию трудов, с тем чтобы со временем вернуться на всероссийскую арену. Но к середине 1870-х гг. стали заметны первые признаки его усталости от ракообразных, губок и червей. У зоолога появился интерес к археологическим раскопкам на суше и под водой, к этнографии, к истории Абхазии и т. п. предметам, далёким от беспозвоночных Чёрного моря.

Первый, романтический период жизни Владимира Ивановича в науке, отмеченный безоглядной влюблённостью в зоографию Понта, подошел к концу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Бекетов А. По поводу критики «Трудов I съезда русских естествоиспытателей», помещенной в «Отечественных записках» (1869 г., апрель) // *Санкт-Петербургские ведомости*. 1869. № 122 (5 мая).

- С. 2–3. [Beketov A. Po povodu kritiki «Trudov I s'ezda russkikh estestvoispytatelei», pomeshchennoi v «Otechestvennykh zapiskakh» (1869 g., april'). *Sankt-Peterburgskie vedomosti*, 1869, no. 122 (5 May), pp. 2–3.]
2. Богданов А. *Материалы для истории научной и прикладной деятельности в России по зоологии и соприкасающимся с нею отраслям знания, преимущественно за последнее тридцатипятилетие (1850–1888 г.)*. Т. 3. — Москва : Типо-литография Товарищества И. Н. Кушнерев и Ко, 1891. 311 с. : 13 вклеек с портр. (Известия Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, состоящего при Императорском Московском университете. Т. 70. Труды зоологического отделения общества. Т. 6). [Bogdanov A. *Materialy dlya istorii nauchnoi i prikladnoi deyatel'nosti v Rossii po zoologii i soprikasayushchimsya s neyu otraslyam znaniya, preimushchestvenno za poslednee tridsatipyatiletie (1850–1888 g.)*. Vol. 3. — Moscow: Tipo-litografiya Tovarishchestva I. N. Kushnerev i Ko, 1891, 311 p.: 13 vkleek s portretami (Izvestiya Imperatorskogo obshchestva lyubitelei estestvoznaniya, antropologii i etnografii, sostoyashchego pri Imperatorskom Moskovskom universitete. Vol. 70. Trudy zoologicheskogo otdeleniya obshchestva. Vol. 6).]
 3. М. И. Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в Санкт-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г. // *Отечественные записки*. 1869. № 4 (апрель). С. 244–255. [M. I. Trudy Pervogo s'ezda russkikh estestvoispytatelei v Sankt-Peterburge, proiskhodivshogo s 28 dekabrya 1867 g. po 4 yanvarya 1868 g. *Otechestvennye zapiski*, 1869, no. 4 (April), pp. 244–255.]
 4. Прендель Р. А. Отчет о результатах экскурсии, произведенной летом 1878 г. по прибрежной полосе Абхазии и Черноморского округа // *Записки Новороссийского общества естествоиспытателей*. 1879. Т. 5, вып. 2. С. 1–9. [Prendel' R. A. Otchet o rezul'tatakh ekskursii, proizvedennoi letom 1878 g. po pribrezhnoi polose Abkhazii i Chernomorskogo okruga // *Zapiski Novorossiiskogo obshchestva estestvoispytatelei*, 1879, vol. 5, iss. 2, pp. 1–9.]
 5. *Протоколы заседаний Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете*. Харьков, 1870. 29 с. ; *Протоколы заседаний Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете во второе полугодие 1870 года*. Харьков, 1871. 74 с. ; *Протоколы заседаний Общества испытателей природы при Императорском Харьковском университете на первое полугодие 1871 года*. Харьков, 1871. 47 с. [Protokoly zasedanii Obshchestva ispytatelei prirody pri Imperatorskom Khar'kovskom universitete. Khar'kov, 1870. 29 p.; Protokoly zasedanii Obshchestva ispytatelei prirody pri Imperatorskom Khar'kovskom universitete vo vtoroe polugodie 1870 goda. Khar'kov, 1871, 74 p.; Protokoly zasedanii Obshchestva ispytatelei prirody pri Imperatorskom Khar'kovskom universitete na pervoe polugodie 1871 goda. Khar'kov, 1871, 47 p.]
 6. *Протоколы заседаний отделений // Труды Второго съезда русских естествоиспытателей в Москве, происходившего с 20-го по 30-е августа 1869 г. Часть II. Труды Второго съезда русских естествоиспытателей по отделам зоологии, анатомии и физиологии* / под ред. проф. А. П. Богданова, Н. К. Зенгера. Москва : Университетская типография Катков и Ко на Страстном бульваре, 1870. С. 5–54. [Protokoly zasedanii otdelenii. In: *Trudy Vtorogo s'ezda russkikh estestvoispytatelei v Moskve, proiskhodivshogo s 20-go po 30-e avgusta 1869 g. Chast' II. Trudy Vtorogo s'ezda russkikh estestvoispytatelei po otdelam zoologii, anatomii i fiziologii*. A. P. Bogdanova, N. K. Zengera (Eds.). Moscow: Universitetskaya tipografiya Katkov i Ko na Strastnom bul'vare, 1870, pp. 5–54.]
 7. *Протоколы заседаний по отделению зоологии // Труды Первого съезда русских естествоиспытателей в Санкт-Петербурге, происходившего с 28 декабря 1867 г. по 4 января 1868 г. Т. 2: Труды первого съезда русских естествоиспытателей по отделению зоологии* / под ред. К. Кесслера. СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1868. С. 3–16. [Protokoly zasedanii po otdeleniyu zoologii. In: *Trudy Pervogo s'ezda russkikh estestvoispytatelei v Sankt-Peterburge, proiskhodivshogo s 28 dekabrya 1867 g. po 4 yanvarya 1868 g. Vol. 2: Trudy pervogo s'ezda russkikh estestvoispytatelei po otdeleniyu zoologii*. K. Kessler (Ed.). SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1868, pp. 3–16.]
 8. *Список студентов и допущенных к слушанию лекций Императорского Харьковского университета на 1865/1866 академический год*. Харьков : Университетская типография, 1865. 56 с. [Spisok studentov i dopushchennykh k slushaniyu lektzii Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta na 1865/1866 akademicheskii god. Khar'kov: Universitetskaya tipografiya, 1865, 56 p.]
 9. Спиридонов В. А., Петряшев В. В. Сборы и типовые коллекции черноморских Crustacea Decapoda М. Г. Ратке, А. Ф. Брандта и В. И. Чернявского в Зоологическом институте РАН: их сохранность и значение для исследования биологического разнообразия европейских морей // *Зоологические коллекции в России в XVIII–XXI веках. Научный и социально-политический контекст* / ред.-сост. Н. В. Слепкова. СПб : СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2012. С. 97–116. [Spiridonov V. A., Petryashev V. V. Sborny i tipovye kolleksii chernomorskikh Crustacea Decapoda M. G. Ratke, A. F. Brandta i V. I. Chernyavskogo v Zoologicheskome institute RAN: ikh sokhrannost' i znachenie dlya issledovaniya biologicheskogo raznoobraziya evropeiskikh morei. In: *Zoologicheskie kolleksii v Rossii v XVIII–XXI vekakh. Nauchnyi i*

- sotsial'no-politicheskii kontekst. N. V. Slepko (Ed.). SPb: SPbGETU «LETI», 2012, pp. 97–116.]
10. Степанов П. Т. Кафедра зоологии // *Физико-математический факультет Императорского Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805–1905). II. Очерки кафедр физико-математического факультета в связи с состоящими при них учебно-вспомогательными учреждениями*. Харьков : Типография Адольфа Дарре, 1908. С. 321–328. [Stepanov P. T. Kafedra zoologii. In: *Fiziko-matematicheskii fakul'tet Imperatorskogo Khar'kovskogo universiteta za pervye 100 let ego sushchestvovaniya (1805–1905). II. Ocherki kafedr fiziko-matematicheskogo fakul'teta v svyazi s sostoyashchimi pri nikh uchebno-vspomogatel'nyimi uchrezhdeniyami*. Khar'kov: Tipografiya Adol'fa Darre, 1908, pp. 321–328.]
 11. Чернявский В. *Материалы для сравнительной зоографии Понта, долженствующие послужить основанием для «генеалогии ракообразных»* = *Materialia ad Zoographiam Ponticam Comparatam*. Вып. I. — СПб. : Типография Императорской Академии наук, 1868. 120 с. [Chernyavskii V. *Materialy dlya sravnitel'noi zoografii Ponta, dolzhenstvuyushchie posluzhit' osnovaniem dlya «genealogii rakoobraznykh»* = *Materialia ad Zoographiam Ponticam Comparatam*. Iss. I. — SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii nauk, 1868, 120 p.]
 12. Чернявский В. И. *Материалы для сравнительной зоографии Понта* = *Materialia ad Zoographiam Ponticam Comparatam*. Вып. 3: Черви // *Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou*. 1881. Т. 55, № 4. Р. 213–363. [Chernyavskii V. I. *Materialy dlya sravnitel'noi zoografii Ponta* = *Materialia ad Zoographiam Ponticam Comparatam*. Iss. 3: Chervi. *Bulletin Société Impériale des Naturalistes de Moscou*, 1881, 1880, vol. 55, no. 4, pp. 213–363. (in Russ.)]
 13. Чернявский В. И. *Монография мизид, преимущественно Российской Империи*. Вып. 1 // *Труды Санкт-Петербургского общества естествоиспытателей*. 1882. Т. 12, вып. 2. Приложение. С. 1–170. [Chernyavskii V. I. *Monografiya mizid, preimushchestvenno Rossiiskoi Imperii*. Iss. 1. *Trudy Sankt-Peterburgskogo obshchestva estestvoispytatelei*, 1882, vol. 12, iss. 2. Prilozhenie, pp. 1–170.]
 14. Чернявский В. И. *Периодические явления в жизни растений позднюю осень, зимою и весною в Сухуме* // *Известия Кавказского отдела Императорского Русского географического общества*. 1879–1881. Т. 6. С. 69–87. [Chernyavskii V. I. *Periodicheskie yavleniya v zhizni rastenii pozdneyu osen'yu, zimoi i vesnoyu v Sukhume*. *Izvestiya Kavkazskogo otdela Imperatorskogo geograficheskogo obshchestva*, 1879–1881, vol. 6, pp. 69–87.]
 15. Чернявский В. *Прибрежные губки Черного и Каспийского морей. Предварительное исследование* = *Spongiae littorales Pontis Euxini et maris Caspii*. Москва: Университетская типография М. Каткова. 1880. 155 с. [Chernyavskii V. *Pribrezhnye gubki Chernogo i Kaspiiskogo morei. Predvaritel'noe issledovanie* = *Spongiae littorales Pontis Euxini et maris Caspii*. Moscow: Universitetskaya tipografiya M. Katkova, 1880, 155 p.]
 16. Шадрин Н. В. Чернявский Владимир Иванович // *Очерки истории Севастопольской биологической станции — Института биологии южных морей НАН Украины*. Севастополь: ЭКОСИ-Гидрофизика, 2011. С. 236–238. [Shadrin N. V. Chernyavskii Vladimir Ivanovich. In: *Ocherki istorii Sevastopol'skoi biologicheskoi stantsii — Instituta biologii yuzhnykh morei NAN Ukrainy*. Sevastopol: EKOSI-Gidrofizika, 2011, pp. 236–238.]

Vladimir Chernyavsky and the Black Sea.

I. On the shores of Crimea, Abkhazia and the Colchis (1866–1875)

K. V. Rusanov

Kharkov, Ukraine

E-mail: construsanov@yandex.ru

Historians name Vladimir Chernyavsky among the researchers of the invertebrate fauna of the Black Sea of the second half of the nineteenth century. However we still know practically nothing about the life of this Russian zoologist; only some publications of Chernyavsky are used nowadays in the scientific revolution. The purpose of this work is to clarify the details of the biography of the scientist and to supplement the bibliography of his writings. In the lifetime sources articles and monographs by V. Chernyavsky, reports of congresses and meetings of scientific societies in which he has participated were used, as well as some publications of other authors. Special attention in the article is given to research and historical context in which zoologist has worked. The article shows that Chernyavsky became an active participant of studies of the invertebrate fauna of the Black Sea when he was a student — in the late 1860s and in the first half of the 1870s. He was personally acquainted with many scientists, who have established basic ideas and directions of these studies. In 1866–1875 V. Chernyavsky worked in Crimea and in Sukhum, collecting and processing materials on the crustaceans, sponges, worms, etc. for subsequent generalizations.

Keywords: Vladimir Chernyavsky, Black Sea, invertebrate fauna, history of research